

© Й. Янзен

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В МОНГОЛЬСКОМ СКОТОВОДСТВЕ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ключевые слова: Монголия, мобильное скотоводство, рыночная экономика, приватизация, экономическое расслоение, перевыпас, маркетинг

Мобильное скотоводство продолжает оставаться основой сельского хозяйства в Монголии в период перехода к рыночной экономике. В статье обсуждаются экономические и социальные изменения, происходящие в этой отрасли национальной экономики после реформ 1990-х гг., а также новые проблемы, остающиеся в настоящее время нерешенными. Важнейшими среди них являются прекращение государственных субсидий, ухудшение инфраструктуры, деградация пастбищ, растущее экономическое расслоение, миграция в города обедневших скотоводов и трудности в сбыте продуктов скотоводства. В то же время поголовье скота в целом остается на достаточно высоком уровне, полностью удовлетворяя внутренние потребности страны и сохраняя высокий экспортный потенциал.

Среди государств Внутренней Азии Монголия является страной, в которой мобильное скотоводство продолжает играть видную роль, оставаясь, несмотря на сложные условия, важнейшим источником дохода для большей части сельского населения. Оно не только кормит самих скотоводов и многих их родственников в городе, но и обеспечивает большинству из них приемлемый уровень жизни за счет доходов от продажи скота и продуктов животноводства. Окажется ли имевшая место после политических изменений 1990-х годов экспансия животноводства временным явлением или же столь широкое использование природных пастбищ продлится и впредь, в значительной степени зависит от аграрной политики будущих правительств.

В статье делается попытка определить факторы, обусловившие недавние изменения в мобильном скотоводстве, и описать проблемы управления и структурные изменения, в особенности в маршрутах перемещения скота, а также процессы имущественной дифференциации среди скотоводов. Обсуждаются также происшедшие в социалистический и постсоциалистический периоды изменения в степени интеграции в мировой рынок продуктов монгольского животноводства.

Политические, правовые и социально-экономические изменения и их следствия. Демократические и рыночные реформы начала 1990-х годов привели к глубоким изменениям в монгольском обществе и во всех секторах экономики страны, на протяжении 70 лет находившейся в зависимости от СССР в условиях почти полной политической и экономической изоляции. Наибольшие изменения произошли в сфере мобильного животноводства. В 1990-е годы тогдашнее правительство уделяло мало внимания сельскому хозяйству, которое должно было самостоятельно выживать в условиях рыночной экономики, становящейся открытой для всех. Отмена правительственных субсидий негативно отразилась на качестве инфраструктуры и услуг, в результате чего нужды населения не удовлетворялись. В результате снизился уровень жизни и заметно ухудшились условия производства для большей части сельских жителей. Скотоводство, прежде ориентированное на внешний рынок (*Thiele 1982*), сократилось настолько, что едва обеспечивало потребности населения. Ориентация на

рыночное производство сохранилась только среди зажиточных хозяйств, чьей основной продукцией был кашемир или овечья шерсть, а также шкуры (см., напр.: *Edström* 1993; *Goldstein, Beall* 1994; *Müller* 1995; *Bruun, Odgaard* 1996).

В ходе приватизации находящихся в коллективной собственности скотоводческих кооперативов (*negdel*) все пять видов скота (овцы, козы, коровы или яки, лошади и верблюды) были разделены между их членами. Поскольку скот из *negdel* получили люди разных специальностей, семьи, которые не смогли найти работы вне скотоводства, оставили места постоянного проживания и стали вести жизнь пастухов. В результате число кочевых пастушеских хозяйств со смешанными стадами почти утроилось по сравнению со временем социализма. Однако у многих из этих “новых кочевников” (*Müller* 1997) не хватало опыта ухода за животными, и эта группа оказалась значительно более уязвимой в критических условиях, нежели опытные пастухи. Ухудшение условий выпаса и природные бедствия с конца 1990-х годов привели к сокращению числа “новых кочевников”. К концу 2010 г. в стране все еще действовало 160 265 пастушеских хозяйств (NSOM 2011: 38), что составляло 21,6% от общего числа монгольских хозяйств в 742 300 (NSOM 2011: 10).

Кочевое скотоводство в Монголии осуществляется в трудных климатических условиях. Природные катаклизмы – засуха (*gan*) в летний сезон и сильные снегопады, сопровождаемые очень низкими температурами (*zud*), зимой – вполне обычны. Большие области Западной и Центральной Монголии пострадали от экстремальных условий в течение трех лет подряд в период с 1999 по 2003 г., а также в 2009–2010 гг., что вызвало падеж скота. В течение одной лишь чрезвычайно холодной зимы 2009/10 г. стадо сократилось на 25,7%, с 44 023 900 до 32 729 500 голов (NSOM 2011: 39). Эти цифры подчеркивают высокий уровень уязвимости всего сектора кочевого животноводства.

Однако в потерях миллионов голов скота нельзя винить только превратности климата. Свою роль сыграли также особенности и приемы выпаса, которые менялись в новых политических, правовых и социально-экономических условиях переходного периода и не всегда оказывались экологически оправданными. Несмотря на проекты по развитию, в 1990-е годы не уделялось должного внимания ни земледелию, ни скотоводству, ни сельской инфраструктуре. Это привело к росту диспропорции между городом и селом, обусловило высокий приток переселенцев из села в город, главным образом в столицу – Улан-Батор (*Janzen et al.* 2002, 2005).

Отъезд бедных скотоводов увеличил долю богатых пастухов на селе. Обычно владельцы больших стад являются опытными животноводами и не теряют много скота во время природных катаклизмов, что случается у бедных и неопытных пастухов. Большие стада у богатых обуславливают частые и длинные перекочевки, что помогает сохранять пастбища. Часто члены более бедных домохозяйств с небольшим поголовьем скота работают на тех, у кого скота много (*Batbuyan* 2003). К концу 2005 г. 1570 домохозяйств (0,7% от всех хозяйств Монголии) обладали стадами более тысячи голов, и эта тенденция к концентрации поголовья продолжалась (NSOM 2006: 177).

Изменения в выпасе и их следствия. С 1990 г. частота и расстояния перекочевок во многих скотоводческих хозяйствах сократились, что привело к деградации пастбищ в больших регионах. В особенности избегали перекочевок (из-за их высокой стоимости) хозяева небольших стад, которые либо не знали о том, как это может отразиться на состоянии пастбищ, либо просто об этом не заботились.

В административном отношении провинция (*aimag*) состоит из нескольких районов (*sum*), и хотя управление на уровне районов со времен плановой экономики изменилось, в отношении пользования пастбищами пастухи в значительной степени, как и во времена *negdel*, были ограничены территорией соответствующего района. Каждый *sum* в свою очередь подразделяется на подрайоны (*bag*). Соглашения по поводу выпаса обычно осуществляются как раз на уровне *bag*'а при участии его управляющего,

совета *bag'a*, других скотоводов и представителей неформальных групп или скотоводческих сообществ (*malchin buleg* – неформальные объединения родственников и/или друзей из числа скотоводов). Эти группы пастухов состоят из *khot ail* (аильных стоянок), обычно проживающих вместе в какой-то определенной местности, часто в одной долине или у источника воды. Каждый из *khot ail*'ов состоит из нескольких аилов (домохозяйств), объединяющихся по причинам эффективности (Bold 1996). По контрасту с социалистическим устройством движение через административные границы возросло (в норме оно должно регулироваться устными соглашениями или договорами между соответствующими управляющими). “Нелегальное” пересечение границ часто выливается в конфликты по поводу пастбищ и воды (Müller, Bold 1996; Fernández-Giménez 2001).

В идеальном случае пространственная организация выпаса в рамках *сума* состоит из четырех сезонных мест для выпаса – зимних, весенних, летних и осенних пастбищ. Но во многих суммах один или даже два вида из этих пастбищ либо отсутствуют, либо слишком малы. Эти четыре вида пастбищных территорий могут делиться на более мелкие участки, используемые различными группами скотоводов. Особенно важными являются зимние пастбища, простирающиеся вокруг постоянных зимних укрытий для скота, сооруженных из дерева или камня, большая часть которых была построена во времена *negdel*. Часто пастухи владеют также загонами на весенних пастбищах.

В течение разных сезонов группы пастухов используют разные определенные им пастбища, обычно остающиеся неизменными на протяжении долгого времени. В хорошо организованном сумме перекочевка осуществляется по согласованному между группами пастухов и администрацией графику, при нарушении которого могут возникать конфликты из-за перемещения скота по пастбищам других групп.

В зависимости от пространственного распределения экологических зон между зимними и летними пастбищами осуществляются дальние горизонтальные перекочевки на расстояние, которое может составлять 100 км и более. В особенности это относится к группам пастухов, выпасающих скот между степной холмистой зоной у подножия горного хребта (*khangai*) и сухой степью равнины (*gobi*). По контрасту, в горных долинах лесостепи в высокогорье вертикальная перекочевка между сезонными пастбищами может не превышать нескольких километров. Когда корма или воды на одном из сезонных пастбищ не хватает, предпринимаются перекочевки *otor* на периферийные (резервные) пастбища, часто располагающиеся в пограничных областях (Janzen, Bazargur 2003a, 2003b; Janzen 2005a, 2005b, 2008).

Маршруты кочевий мобильных скотоводов определяются не только условиями выпаса, но в большой степени зависят и от доступности воды для людей и животных. Зимой и на больших высотах вода обеспечивается снегопадами. В местах, где снега мало, а также в период с весны по осень ситуация становится более тяжелой. Если учесть, что в настоящее время большинство колодцев, построенных во времена *negdel*, либо разрушены, либо не содержатся в порядке, то становится понятным, что в те месяцы, когда снега нет, а дождей мало, пастухи держат скот поблизости от сохранившихся старых или восстановленных и новых колодцев. Скот и люди также собираются вокруг естественных источников, рек, озер и недалеко от постоянных поселений.

Миграция из села в город: причины и следствия. Трудные условия для жизни и работы в сельской Монголии, соблазны городской жизни и растущий разрыв между бедными и богатыми имели своим следствием отток населения в город, в основном – в Улан-Батор, где мигранты селятся в состоящих из юрт кварталах на периферии столицы (Janzen, Bazargur 2003a, 2003b). Значительная часть этих переселенцев в города является разорившимися пастухами, которые владели небольшими стадами и потеряли их в период природных катастроф между 1999 и 2003 гг. или зимой 2009/10 г. и ушли из скотоводства. Главными областями выезда в Монголии стали отдаленные Западный и Хангайский регионы (с аймаками Uvs, Zavkhan, Gobi Altai, Khovd, Khuvsgul

и Arkhangai как главными источниками миграции). Приток мигрантов из Восточного региона был низок, но значительная часть людей переселилась в города также и из Центрального региона, в особенности из аймака Тув.

Большинство переселенцев из сельских районов оставили свои родные сумы по причине слабой технической и социальной инфраструктуры, нехватки учреждений медицины и образования и прочих услуг. Не имея иных источников дохода, многие скотоводы выживали только за счет продажи скота. После того, как он весь был распродан, бывшие пастухи были вынуждены уехать и искать работу в городах (*Janzen et al.* 2002, 2005; PTRC/NUM 2001). Вследствие этого плотность населения во многих сельских местностях существенно снизилась, особенно – в Западной Монголии. Однако отток населения в города не сократил значительно численность скота в этих районах, поскольку скот был продан другим пастухам или остался у родственников. В то же время уже существовавшие проблемы перевыпаса и избытка скота в районах вокруг крупных городов центральной и северной Монголии стали еще более острыми из-за притока скота и экологических нарушений в организации выпаса.

Изменения на рынках скота и продуктов скотоводства: причины и следствия.

Интеграция скотоводства Монголии в мировой рынок подверглась существенным переменам в постсоциалистический период. В результате того, что страна была сателлитом Советского Союза и членом СЭВ, Монголия должна была поставлять скот, мясо и другую продукцию животноводства в социалистические “братские страны”, в особенности – в СССР. Направление потоков монгольских продуктов животноводства стало совершенно иным, переориентировавшись с Советского Союза на китайский рынок (с 1990 г., когда в стране начался переход к рыночной экономике).

Потоки рыночной продукции в рамках централизованной плановой экономики Монголии начинались на самом низком уровне бригады и включали уровни *сума*, *аймака* и национальной столицы. Скот со всех частей страны обычно перегонялся в окрестности столицы, где животные немного откармливались до забоя в Улан-Баторе. Оттуда замороженное мясо и другие продукты животноводства транспортировались по железной дороге в Советский Союз (*Janzen* 2012).

После 1990 г. и распада Советского Союза направления торговли, виды и объемы поставок продуктов животноводства существенно изменились. Экспорт мяса в Россию упал почти до нуля, и Китай еще не начал импортировать монгольское мясо, однако китайцы стали ведущими импортерами таких продуктов, как кашемир, овечья шерсть, шкуры и кожа и проч. Значительная часть этих поставок проходила через восемь пограничных постов, организованных в начале 1990-х гг. К концу 1990-х гг. прямой обмен товарами через эти посты утратил свое значение. Теперь, как и прежде, продукты животноводства продаются централизованно через Улан-Батор в китайский Эрлян (Ярлян) (*Janzen* 2012).

Для пастухов лучший доступ к рынкам обеспечивается вблизи крупных городов – Улан-Батора, Эрдэнета, Дархана – и поблизости от центров аймаков, расположенных вдоль главных дорог. Периферийные хозяйства без собственного мототранспорта (а большинство пастухов с небольшими стадами до сих пор такого транспорта не имеют) сталкиваются со значительными трудностями при продаже своих продуктов и при закупке припасов по разумным ценам. Это справедливо в основном для западной Монголии, где расстояние до столичного рынка в Улан-Баторе нередко превышает тысячу километров.

В выигрыше от ведения кочевого хозяйства в Монголии оказалась небольшая группа ориентированных на рыночное производство богатых хозяйств со стадами более 5 тыс. голов (3,6% от всех скотоводческих хозяйств в конце 2005 г.). Около 80% (на конец 2005 г.) скотоводческих хозяйств с менее чем 200 голов в стаде могли рассматриваться как бедные. Их производство было лишь отчасти ориентировано на рынок, в то время как основная часть шла на собственное потребление (NSOM 2006: 177).

В отличие от времен социализма, когда торговля продуктами животноводства была централизована, в условиях рыночной экономики скот и продукты животноводства поку-

паются у скотоводов мобильными перекупщиками и компаниями, которые затем перепродают их оптовикам и перерабатывающим комбинатам в крупных городах. Лишь небольшая часть продуктов поставляется самими пастухами напрямую торговым компаниям в городских и сельских центрах. Перекупщиками оказываются люди разных профессий из разных социальных слоев. Большинство из них – горожане, часто они являются водителями по профессии, имеют собственный автомобиль и занимаются сезонной торговлей.

Молоко и молочные продукты обычно продаются летом и осенью на внутренних рынках и в меньшей степени – замороженными зимой. Пик торговли кашемиром приходится на апрель–май, овечьей шерстью – на июль–август, скотом – на сентябрь–октябрь, а мясом, шкурами и кожей – на время массового забоя скота с наступлением холодов в октябре–ноябре. Мясо сейчас экспортируется лишь небольшими партиями. В последние годы в Монголии забивалось от пяти до шести миллионов голов скота ежегодно. Например, в 2006 г. – 5 898 000 голов, включая 29 300 верблюдов, 277 900 лошадей, 367 800 голов крупного рогатого скота, 2 896 100 овец и 2 326 900 коз (NSOM 2007: 184).

В отличие от социалистических времен большая часть продуктов животноводства продается сегодня без очистки и сортировки и маленькими партиями, что отражает ориентацию небогатых пастухов с их небольшими стадами на внутреннее потребление. Из-за нехватки денег на селе при покупках часто используется бартерный обмен. Поскольку мелкие хозяйства со стадами менее 200 голов часто имеют долги под высокие проценты, они заинтересованы в их быстром погашении и не могут позволить себе запастись продукцией в ожидании более выгодных цен. Пастухи отдаленных сумов и аймаков очень зависят от перекупщиков, которые навязывают им свои закупочные цены.

Обзор основных перемен и их следствий. Быстрый рост стада (в особенности коз для производства кашемира), несмотря на неблагоприятные климатические условия, как и экологически неграмотное использование естественных пастбищ, в ряде регионов страны привел к проблемам перевыпаса. Общие причины, приведшие к такому положению вещей, таковы: во-первых, стремление пастухов к владению как можно большим стадом (как страховкой от риска потерь в случае природных катаклизмов или эпидемий); во-вторых, отсутствие по меньшей мере одного из сезонных пастбищ в большинстве сумов, в особенности весенних и осенних, что приводит к перевыпасу на других участках и к экологическому ущербу. Все это усугубляется существующими с социалистических времен административными границами (границы аймаков и сумов являются и границами пастбищ), препятствующими дальним перекочевкам. Концентрация и длительное нахождение стад на лучших пастбищах около источников воды или поблизости от рынков сбыта (около крупных дорог, рек, озер и постоянных поселений) нанесли серьезный ущерб таким пастбищам в результате перевыпаса. В этой связи стоит упомянуть и о возникновении множества новых поселений вдоль основных транспортных артерий, где бывшие кочевые скотоводы ведут полуоседлый образ жизни, дополняя доходы от скотоводства за счет организации небольших магазинов и кафе. Проблему представляет собой и отсутствие или нехватка воды из-за разрушения построенной еще во времена социализма сети колодцев и наблюдаемого сегодня пересыхания природных источников и озер из-за засух, как и распространение вечной мерзлоты в результате холодных зим.

Заслуживает упоминания и еще одно обстоятельство. С начала нового тысячелетия в Монголии возрастает экономическое значение добычи ископаемых, в которой участвуют как небольшие неформально организованные группы, так и средние по размеру и крупные транснациональные компании. Их деятельность также сказывается на скотоводстве. Молодежь из хозяйств с мелкими стадами занимается горнодобычей на сезонной основе. Растущие цены на ископаемые гарантируют привлекательный дополнительный доход. Все это имеет как положительное, так и отрицательное влияние на скотоводство. Возможность получить дополнительные деньги является, безусловно, положительным влиянием; возросшая нагрузка на женщин, выполняющих работу отсутствующих мужчин, – отрицательным. Детям также приходится тратить больше

времени на уход за животными и работу по дому, когда взрослые мужчины отсутствуют. Это негативно сказывается на посещаемости школы и успеваемости учеников. Кроме того, географическое местоположение горнодобывающих предприятий, как и отсутствие полной занятости, иногда приводит к сокращению расстояния и частоты перекочевков, что в свою очередь негативно отражается на состоянии пастбищ.

По опыту времен *negdel* предельный размер поголовья скота в Монголии не должен превышать 24,7 млн голов (каким оно было в 1989 г.), чтобы снизить нагрузку на природные пастбища Монголии и сделать их пригодными для скотоводства на постоянной основе. После периода климатических экстремумов (1999–2003 и 2009/10 гг.) на большей части территории страны дождей было достаточно, и пастухи могли за короткий период существенно увеличить численность своих стад. По оценкам весны 2012 г., общая численность поголовья скота уже превысила 25 млн голов, и две трети его были сконцентрированы в Хангае и в Западном регионе (NSOM 2007: 172–173). Столь высокая численность является следствием отсутствия возможностей экспорта скота и мяса, существовавших в социалистический период и позволявших сохранять общую численность скота на приемлемом уровне.

Заключение: есть ли будущее у монгольского скотоводства? География размещения населения и экологических зон обуславливает присутствие трех систем скотоводства в Монголии в будущем: 1) в степной, полупустынной и пустынной зонах будет практиковаться кочевое животноводство с частыми перекочевками на среднее или дальнейшее расстояние как единственная экологически и экономически обоснованная форма использования земли, не требующая больших инвестиций; 2) в лесостепной зоне будет развиваться полукочевое/полуоседлое скотоводство с менее частыми и более короткими перекочевками и полунтенсивное использование земли благодаря более благоприятным природным условиям с возможностями заготовки сена и других кормов, производства картофеля и овощей; 3) в окрестностях крупных городов уже развивается и будет расти коммерциализация животноводства (молочные фермы), основанная на интенсификации за счет производства высококачественных кормов.

Можно заключить, что будущее кочевого скотоводства в Монголии по большей части зависит от правительственной политики по развитию, которая должна лучше учитывать нужды скотоводческих хозяйств и открыть новые рынки сбыта мясной продукции на экспорт. Рыночная ориентация необходима для роста закупочных цен на скот, что позволило бы сократить количество скота до экологически обоснованного уровня.

Введение новых законодательных норм для экологически обоснованного использования пастбищ на базе дополнений к закону о земле от июня 2002 г., который запрещает приватизацию пастбищных земель, является необходимой основой для всего сектора скотоводства. Предоставление существующим или вновь образованным группам скотоводов долгосрочных прав на зимние/весенние пастбища при условии, что такие группы будут нести полную ответственность за сообразное с экологией использование пастбищ, лесов и водных источников, является и возможным, и желательным.

Продолжающееся обсуждение административно-территориальной реформы, направленной на создание более крупных административных единиц, границы которых дадут возможность совершать экологически обоснованные перекочевки на более длинные расстояния и экономить местные бюджеты, надеемся, будет иметь положительный исход. Существующие проекты по управлению пастбищами со стороны национальных и международных агентств уже делают свой вклад, сокращая ущерб для природной среды. Их координация могла бы обеспечить рост их эффективности.

Остается надеяться, что влияние высокодоходных рабочих мест в горнодобывающей промышленности не приведет к упадку животноводства в Монголии. Случай богатых нефтью стран Персидского залива свидетельствует о том, что кочевничество как образ жизни и производства может исчезнуть всего за несколько десятилетий (*Janzen* 1986). Там возникли новые формы животноводства, практически без использования кочевания (на-

пример, выращивание беговых верблюдов). В Монголии аналогичные тенденции также наблюдаются: уже появились китайские пастухи, работающие в хозяйствах, вовлеченных в горную добычу, а также в богатых хозяйствах, выращивающих скаковых лошадей.

Наконец, следует подчеркнуть, что устойчивое развитие села и скотоводства может быть достигнуто лишь на основе целостного подхода, охватывающего все сектора экономики и социальные группы региона. Основными целями является ограничение поголовья скота до оптимального размера, введение законодательства для обеспечения экологически обоснованного использования пастбищ и водных источников со стороны разных групп, организация малых и средних предприятий для переработки продуктов животноводства и усовершенствование технической и социальной инфраструктуры на селе. Улучшение породности скота и его здоровья, как и обеспечение условий сбыта, являются важными условиями, без выполнения которых Монголия вряд ли восстановит свою значимость как экспортера скота и мяса. При учете этих рекомендаций кочевое скотоводство Монголии сможет успешно развиваться в будущем.

Перевод с английского С.В. Соколовского

Источники и материалы

NSOM 2006, 2007 – National Statistical Office of Mongolia. Mongolian Statistical Yearbook. Ulaanbaatar, 2006; 2007.

NSOM 2011 – National Statistical Office of Mongolia, Mongolian Statistical Yearbook/Statistical Pocketbook. Ulaanbaatar, 2011.

PTRC/NUM 2001 – Population Teaching and Research Center. National University of Mongolia. A Micro Study of Internal Migration in Mongolia. Ulaanbaatar, 2001.

Article Summary

Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no. 2

J. Janzen. Ekonomicheskie peremeny v mongol'skom skotovodstve v period transformatsii [Economic Changes in Mongolian Livestock Keeping During the Transformation Period]

Keywords: Mongolia, mobile livestock keeping, market economy, privatization, economic differentiation, overgrazing, marketing

Abstract: Mongolia is one of the countries where mobile livestock keeping continues to play a prominent role. Despite difficult conditions it still is the most important source of income for the majority in rural areas. Not only does it feed the livestock keepers and many of their urban-based relatives, but it also provides an adequate living for most of them through the sale of animals and animal products. Whether the expansion of mobile livestock keeping that took place after the political changes in 1990 is just a temporary phenomenon, or this widespread use of natural pastures is here to stay, will largely depend on the rural development policies of future governments. This article attempts to define what background factors have led to the recent developments in mobile livestock keeping in Mongolia, what structural changes and problems have emerged in management practices and particularly in stock movement patterns, and what wealth differentiation processes have occurred in the pastoral society. Furthermore, the changes in world market integration of Mongolian livestock products during the socialist and post-socialist period will be discussed.

Author: **Jörg Janzen**, Institut für Geographische Wissenschaften, Freie Universität Berlin (Berlin, Germany); e-mail: janzen@zedat.fu-berlin.de

References

- Batbuyan B. Verarmung von Nomaden in der Mongolei nach 1990. Sozialgeographische Probleme eines Transformationslandes. *Geographische Rundschau*, 2003, T. 55, H. 10, S. 26–32.
- Bold B. Socio-Economic Segmentation – Khot-ail in Nomadic Livestock Keeping of Mongolia. *Nomadic Peoples*, 1996, Vol. 39, pp. 69–86.
- Brunn O., Odgaard O. (eds.) Mongolia in Transition, Old Patterns, New Challenges, Nordic Institute of Asian Studies. *Studies in Asian Topics*, no. 22. Richmond (UK), 1996.
- Edström J. The Reform of Livestock Marketing in Post-communist Mongolia: Problems for a Food Secure and Equitable Market Development. *Nomadic Peoples*, 1993, Vol. 33, pp. 137–152.
- Fernández-Giménez M.E. The Effects of Livestock Privatisation on Pastoral Land Use and Land Tenure in Post-Socialist Mongolia. *Nomadic Peoples*, 2001, Vol. 5, no. 2, pp. 49–66.
- Goldstein M.C., Beall C.M. *The Changing World of Mongolia's Nomads*. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Janzen J. *Nomads in the Sultanate of Oman: Tradition and Development in Dhofar*. Boulder: Westview Press, 1986.
- Janzen J. Mobile Livestock-Keeping in Mongolia: Present Problems, Spatial Organization, Interactions between Mobile and Sedentary Population Groups and Perspectives for Pastoral Development. *Pastoralists and Their Neighbours in Asia and Africa*, ed. K. Ikea, E. Fratkin. Osaka, 2005, pp. 69–97.
- Janzen J. Changing Political Regime and Mobile Livestock Keeping in Mongolia. *Geography Research Forum*, 2005, Vol. 25, pp. 62–82.
- Janzen J. Mongolia's Pastoral Economy and Market Integration. *Proceedings of the International Conference "Dialog between Cultures and Civilizations. Present State and Perspectives of Nomadism in a Globalizing World"*, ed. J. Janzen, B. Enkhuvshin. Ulaanbaatar, 2008, pp. 3–26.
- Janzen J. Mongolian Pastoral Economy and its Integration into World Market under Socialist and Post-Socialist Conditions. *Economic Spaces of Pastoral Production and Commodity Systems*, ed. J. Gertel, R. Le Heron. Abingdon: Oxon, 2012.
- Janzen J., Bazargur D. Der Transformationsprozess im ländlichen Raum der Mongolei und dessen Auswirkungen auf das räumliche Verwirklichungsmuster der mobilen Tierhalter – Eine empirische Studie. *Räumliche Mobilität und Existenzsicherung*, ed. J. Janzen. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1999, S. 47–81.
- Janzen J., Bazargur D. Wandel und Kontinuität in der mobilen Tierhaltung der Mongolei. *Petermanns Geographische Mitteilungen*, 2003, Vol. 147, no. 5, pp. 50–57.
- Janzen J., Bazargur D. The Transformation Process in Mobile Livestock Keeping and Changing Patterns of Mobility in Mongolia. With Special Attention to Western Mongolia and Ulaanbaatar. *The New Geography of Human Mobility – Inequality Trends?*, ed. Y. Ishikawa, A. Montanari. Roma: Società Geografica Italiana, 2003, pp. 185–222.
- Janzen J., Gereltsetseg D., Bolormaa J., Davaabal O., Erdenetuvshin D., Suvdaa D. *A New Ger-Settlement in Ulaanbaatar. Functional Differentiation, Demographic and Socio-Economic Structure and Origin of Residents*. Ulaanbaatar: Center for Development Research / National University of Mongolia, 2002.
- Janzen J., Taraschewski T., Ganchimeg M. *Ulaanbaatar at the Beginning of the 21st Century: Massive In-Migration, Pressing Urban Problems, Social Spatial Segregation and Rapid Growth of Ger-Settlements – The Example of 4th Khoroo of Songinokhaikhan District*. Ulaanbaatar: Center for Development Research / National University of Mongolia, 2005.
- Müller F.-V. Mongolian Pastoral Livestock Production in Transition from Socialist to Market Economy. *Wild and Domestic Ruminants in Extensive Land Use Systems. International Symposium, 3-4 October 1994, Humboldt-Universität zu Berlin*, ed. R.R. Hofmann, H.-J. Schwartz. Berlin, 2005, H. 2, S. 288–294.
- Müller F.-V. New Nomads and Old Customs-General Effects of Privatization in Rural Mongolia. *Nomadic Peoples*, 1997, vol. 36/37, pp. 175–194.
- Müller F.-V., Bold B. On the Necessity of New Regulations for Pastoral Land Use in Mongolia. *Applied Geography and Development*, 1996, Vol. 48, pp. 29–51.
- Thiele P. Nomaden im Sozialismus? Zur heutigen Situation der Nomaden in der Mongolischen Volksrepublik. *Nomadismus – Ein Entwicklungsproblem?*, ed. F. Scholz, J. Janzen. Berlin, 1982, B. 33, S. 233–237.